

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20190414

УДК 947.083 + 002.5(09)

А.А. СТАРЫШКИНА

РУССКИЕ ЖУРНАЛИСТКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в. – АВТОРЫ ЭГО-ДОКУМЕНТОВ

Новосибирская государственная областная научная библиотека,
РФ, 630007, г. Новосибирск, ул. Советская, д. 6.

Статья посвящена выявлению ключевых характеристик корпуса русских журналисток – авторов эго-документов второй половины XIX – начала XX в. Авторский корпус, при всей его относительной немногочисленности, разнообразен в качественном отношении. В статье охарактеризовано сословное происхождение, образовательный уровень, семейный статус, профессиональная деятельность женщин – авторов текстов воспоминаний, автобиографий, писем и дневников. Главными источниками для статьи являются эго-документы, принадлежащие журналисткам. Кроме того, используются словари и другие издания библиографического характера, а также привлекаются работы исследователей, содержащие информацию о биографиях и профессиональной деятельности сотрудниц периодики второй половины XIX – начала XX в., оставивших источники личного происхождения.

Ключевые слова: эго-документы, русские журналистки, авторский состав, сословное происхождение, образование, профессиональная специализация.

A.A. STARYSHKINA

RUSSIAN WOMEN JOURNALISTS OF THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES AS AUTHORS OF EGO-DOCUMENTS

Novosibirsk State Regional Scientific Library,
6, Sovetskaya str., Novosibirsk, 630007, Russian Federation

The article is devoted to the identification of key characteristics of the Russian women-journalists' corpus – who were authors of ego-documents at the second half of the XIX – early XX centuries. The author establishes social origin, educational level, marital status and professional specialization of women – authors of texts of memoirs, autobiographies and diaries. The main sources of the article are the ego-documents of women journalists. The author uses dictionaries and other editions of biobibliographical nature, as well as research papers containing information about biography and professional activity of staff members of periodicals, who left sources of personal origin. The author's composition varied in quality despite its relatively small size. It includes employees of periodicals, who were of a noble, merchant, spiritual and peasant origin. Social status together with generational affiliation had a significant impact on the methods of upbringing, concept of education and its level among the future women journalists. The high level of education allowed holding various positions in the editorial office, as well as having a wide professional specialization. Among the journalists who left ego-documents are publishers, editors, department heads, secretaries, proofreaders, feuilletonists, reporters, correspondents, columnists, literary and theatrical critics and reviewers, translators, novelists. At the same time, women often combined these activities at different stages of their lives, or they held multiple positions at the same time. Marital status influenced the professional career. A significant problem for women journalists was the need to combine professional activity and family life. Most of female employees in the periodicals were married, others were in a civil marriage and had illegitimate children. Some practiced a form of family relationship different from the traditional one.

Key words: ego-documents, Russian journalists, authorship, social origin, education, professional activities.

Анастасия Андреевна Старышкина – сотрудник Новосибирской государственной областной научной библиотеки, e-mail: staryshkina@mail.ru

Anastasia A. Staryshkina – Researcher Novosibirsk State Regional Scientific Library.

Вторая половина XIX – начало XX в. – время интенсивных изменений в структуре российского общества, социальном статусе женщин, их образовательном и культурном уровне. В этот период заметно меняются жизненные ориентиры, ценности и стратегии женщин, чаще ставших искать самостоятельности. По мнению Э. Вуд, женская эмансипация и экономическая ситуация в России подтолкнули женщин к поиску работы [1]. Одной из доступных профессий для них стала журналистика. Об этом свидетельствует статистика, приведенная А.И. Рейтблатом [2, с. 254, 263, 269].

В настоящей статье мы ставим перед собой задачу – выявить ключевые характеристики авторского корпуса русских журналисток второй половины XIX – начала XX в., оставивших эго-документы. Прежде всего, речь идет об их сословном и семейном статусе, образовательном уровне и профессиональной специализации. Мы считаем, что данные характеристики позволяют понять, какие факторы повлияли на интерпретацию событий в их эго-документах, выяснить социокультурные представления сотрудниц периодических изданий.

Хотя специальных работ, посвященных этой теме нет, интересующую нас информацию содержат эго-документы сотрудниц периодики, а также библиографические издания. Словарей, в которых содержатся необходимые данные, имеется огромное количество, однако укажем лишь те, что оказались наиболее полезны для данной работы¹ [3–13]. Кроме того, важную информацию содержит сборник «На помощь учащимся женщинам», включающий биографические тексты о некоторых наших героинях [14]. Отдельный пласт литературы составляют статьи, в которых рассматриваются биографии и профессиональная деятельность журналисток. Некоторые из них перечислены в справочнике Н.Л. Пушкаревой [15].

Интересно, что не все сотрудницы периодики в эго-документах прямо называли или упоминали свое сословное происхождение, поскольку в изучаемый период его границы размываются и становятся все эфемернее. Для наших героинь был важнее факт их профессиональной принадлежности. Из 45 авторов эго-документов удалось установить сословный статус 35, при этом 27 из них происходили из дворянских семей, из купеческого сословия – 6, духовного – 1, из крестьян – 1. Это объяснимо, поскольку именно дворяне имели самый легкий доступ к образованию, необходимому условию для работы в печатных изданиях. Кроме того, данный факт объясняется традиционным для Российской империи предпочтением дворянства другим сословиям.

Среди женщин в журналистике данного периода присутствуют представители и аристократии, и древних родов, и обедневших дворян. Не для всех женщин из дворянства главным мотивом для работы в органах печати стал материальный вопрос, возникший в связи с отсутствием финансовой помощи от родителей или мужа. То же можно сказать и о журналистках – представительницах купеческого сословия. Характерно, что 4 из 6 сотрудниц периодики, вышедших из купеческих семей, были также издательницами

органов печати (П.Н. Ариян, А.И. Волкова, А.А. Давыдова, А.Н. Пешкова-Толиверова). Для некоторых женщин журналистика еще в юности стала той соломинкой, которая помогла справиться им с бедственным денежным положением. Так, В.Н. Цеховской пришлось искать самостоятельного заработка в 17 лет, когда многие ее ровесницы «еще продолжали учиться в стенах Кременчугской гимназии». Ей повезло – удалось по знакомству устроиться репортером в газету «Киевское слово» [16, с. 123].

Сословное происхождение во многом предопределяло формы воспитания, хотя не менее важное значение имела в этом плане сама эпоха, в которую происходило становление личности ребенка. Детство большинства наших героинь пришлось на пореформенное время, наложившее отпечаток на их социализацию и мировоззрение. Существенные изменения затронули практики воспитания. Эпоха Великих реформ диктовала другой паттерн отношения к детям. Если журналистки, детство которых пришлось на 1840–1850-е гг., часто отмечали некоторую отдаленность от родителей, большую роль няни и гувернантки, то женщины, родившиеся в 1860-е гг. и позже, вспоминали довлеющую роль матери в период их взросления. Так, А.В. Тыркова, рассуждая о несхожести судеб и характеров своих братьев и сестер, замечает: «И каждый из нас представлял отдельный мирок, который мама изучала пристально, неустанно, любовно. Одно было у всех общее, сходное – наша любовь к маме... И ее любовь к нам, в которую она вносила столько оттенков. Для каждого из нас находила особые дары. Никого не обделяла. Ее большой души на всех хватало» [17, с. 13]. Контраст с этим составляет рассказ М.К. Цебриковой о родителях: «Право писательства пришлось брать с бою. <...> Мать, институтка старого типа, была возмущена оррерами, которые я писала, и она жгла мои рукописи. Я зашивала их под юбки и, когда накапливалось достаточно черняков, носила их в гавань, в морские казармы, для переписки писарю, мужу няни» [18, с. 104].

На образовательный уровень журналисток оказывало влияние не только сословное происхождение. Рожденным в 1830–1840-е гг. женщинам было труднее получить хорошее образование, если их родители не обладали средствами для его обеспечения. Доступ в гимназии для женщин был открыт благодаря эпохе Великих реформ, а это расширяло возможности для дальнейшего трудоустройства. В 1830–1840-е гг. из 16 журналисток 6 имели только домашнее (хотя часто и очень хорошее) образование, 5 получили дополнительное в частных пансионах, а 2 – в Смольном институте благородных девиц. Исключение из правил составляют Е.А. Апрельева (выдержавшая экзамен на звание домашней учительницы и слушавшая лекции в университете Женевы), А.М. Евреинова (ставшая первой из русских женщин, которой присвоили степень доктора права), Н.А. Белозерская (получившая Уваровскую ученую степень) и Е.О. Дубровина (учившаяся на фельдшерских и акушерских (Аларчинских) курсах).

Разительно отличается ситуация для тех, кто родился в 1850–1880-е гг. Здесь уже из 23 журналисток 15 учились на Высших женских курсах. При этом две сотрудницы периодики получали образование в университете Сорбонны, еще две женщины окончили Высшие врачебные курсы. Лишь 7 имели только гимназическое образование. Особняком стоят журналистки П.С. Соловьева, учившаяся в Школе живописи,

¹ Писательницы России: материалы для библиографического словаря / сост. Ю. А. Горбунов // URL: <http://book.uraic.ru/elib/Authors/Gorbunov/index.htm> (дата обращения: 14.07.2019).

вания и зодчества у И.М. Прянишникова и В.Д. Поленова; А.А. Вербицкая, окончившая курс в Елизаветинском институте благородных девиц, но не окончившая Московскую консерваторию по классу вокала за неимением средств, а также В.В. Тимофеева, получившая образование в благотворительном учебном заведении для девиц в Москве. К сожалению, уровень образования 6 женщин нам не удалось установить.

Как правило, женщины, получив образование, домашнее или университетское, занимались в дальнейшем самообразованием – это был путь длиною в жизнь. Помощниками иногда выступали знакомые мужчины, которые могли не только посредством уроков «подтянуть знания своим ученицам», но и предоставить другой источник информации – книги, часть которых находилась под запретом в семьях. Другим способом самообразования являлось чтение периодических изданий, о чем свидетельствуют, в частности, дневники А.И. Волковой, ставившей этот вопрос особенно остро [19]. Отчасти благодаря воспитанию и самообразованию, отчасти благодаря духу эпохи почти все журналистки занимали активную общественную позицию.

Образование позволяло женщинам занимать разные должности в редакции органа печати и иметь широкую профессиональную специализацию: одна и та же женщина могла быть и корреспондентом, и фельетонистом, и публицистом, и репортером, и театральным рецензентом, и редактором. С одной стороны, это говорит о еще неполной сформированности профессионального сообщества журналистов, где не требовалось специального образования для занятия той или иной должности. С другой стороны, разнообразие специализаций свидетельствует о довольно высоком уровне сформированности такого сообщества.

Самой распространенной специализацией была переводческая деятельность (31), однако только у А.Н. Шульговской она являлась основной и единственной работой. Популярность работы переводчика связана с ее востребованностью (иностранная литература пользовалась большой популярностью у читателя), а также ее относительной доступностью для женщин, которые в силу специфики образования часто владели несколькими языками. В большинстве случаев такая деятельность могла совмещаться с работой в других сферах журналистики. Переводчицы требовались не только в беллетристический отдел, но и в политический, который представлял собой компиляцию хроник из иностранной прессы (5 чел.).

Второй по популярности специализацией была беллетристика (включая и детскую литературу) – в ней было задействовано 26 женщин. Многие, становясь сотрудницами периодики, не всегда преследовали цель быть именно журналистками, а мечтали о «настоящей» литературе, в чем они и признавались в своих эго-документах. Однако те же женщины, что печатали свои художественные произведения, имели (одновременно с этим или в другой промежуток жизни) другую профессиональную специализацию, идентифицировали себя не только как писательницы, но и как журналистки. Публицистика немного уступает беллетристике по количеству пишущих в этом жанре (18 чел.). Данный факт отражает озабоченность женщин проблемами современности, их статьи являются продолжением, а иногда главным результатом их общественно-политической деятельности. В 1860–1880-х гг. (иногда в 1890-х) литературная (6 чел.)

и театральная (4 чел.) критика также была близка публицистике, поскольку, по замечанию журналисток, для того чтобы писать на эти темы, требовалось скорее не знание и понимание искусства, а умение и желание поднять те общественные проблемы, которые затронуты в произведении. Эти выводы можно распространить и на жанры очерков и путевые заметки, к которым также часто прибегали наши героини (4 чел.).

Из числа входивших в авторский корпус сотрудниц периодики можно выделить довольно ярких фельетонистов (6), корреспондентов (8), репортеров (2), обозревателей (2). Журналистки занимали должности в редакции или являлись издательницами органов печати. Среди входящих в состав авторского корпуса присутствуют корректоры (2), секретари (2), заведующие отделами (9), редакторы (8), издатели (8). Некоторые из них одновременно издавали и редактировали свое периодическое издание, заведовали его отделами и наполняли их материалами.

В связи с изменением гендерных ролей в результате модернизации в России, женщины, вовлеченные в профессиональную деятельность, должны были выстраивать новые жизненные стратегии, иначе расставлять приоритеты между частным и общественным, искать новые формы семейно-брачных отношений. По мнению М.В. Михайловой, «главной проблемой, встающей перед творческой женщиной, становилась невозможность совместить планомерную работу, которую требуют, например, занятия литературой, и любовь, семья»². Поэтому в мемуарах ряда журналисток, которые были замужем и имели детей, зафиксирован испытываемый ими полоролевой конфликт – для того, чтобы достичь профессиональных целей, необходимо было в какой-то степени пожертвовать семейными ценностями, и наоборот. Нам неизвестен брачный статус 3 женщин, но из остальных 43 сотрудниц периодики, входящих в авторский корпус, замужем состояли 36. Не у всех этот брак продержался всю их жизнь, у кого-то оборвался со смертью одного из супругов, 11 журналисток развелись или только разъехались с мужьями, а 6 из них вышли замуж повторно. Кроме того, А.М. Евреинова и Э.К. Пименова заключили фиктивные браки, но у последней он стал фактическим. В гражданском браке состояли в разные периоды жизни 4 женщины. Одна из них – З.А. Венгерова – жила в так называемом «тройственном союзе» с Н.М. Минским и Л.Н. Вилькиной [20., с. 205]. П.С. Соловьева спутницей жизни выбрала женщину – со-редактора «Тропинки» Н.И. Манасину [21., с. 362]. Некоторые из наших героинь выбрали жизнь без замужества (6).

Наличие детей также сильно сказывалось на выполнении профессиональных функций. Для некоторых журналисток это стало сдерживающим фактором для самореализации, а для других – еще одним стимулом к работе. Однако не все женщины упоминали о детях в эго-документах. Сведения о них трудно найти и в словарях, поэтому нам неизвестно, были ли дети у 15 из наших героинь. Судя по имеющимся материалам, детей имели 23 сотрудницы периодики. Число детей варьировалось от 1 до 5, но чаще всего в семьях

² Михайлова М.В. Русская интеллигенция Серебряного века: творческая и профессиональная самореализация женщины // URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/mihailova_i.htm (дата обращения: 08.05.15).

журналисток воспитывалось 2–3 ребенка. В авторском корпусе у 7 сотрудниц не было детей, причем 3 из них не были замужем. Вне института брака родили детей 6 женщин, работавших в органах печати.

Таким образом, корпус русских журналисток – авторов эго-документов, в изучаемый период был не велик в количественном отношении, но разнообразен в качественном. Сотрудницы периодики происходили из разных сословий (доминировало дворянство), имели часто различное образование (от домашнего до высшего), занимали разнообразные должности в редакциях, писали в рамках различных профессиональных специализаций, состояли в браке, пытались совместить семью и профессию или практиковали нетрадиционные формы семейных отношений. Русские журналистки были значимой частью этого профессионального сообщества, а их биографии (со всеми противоречиями), являются отражением той эпохи, к которой они принадлежали.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wood E.A. The Woman Question in Russia: Contradictions and Ambivalence // *A companion to Russian history* / ed. by A. Gleason. Blackwell Publishing, 2009. p. 353–367.
2. *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. 448 с.
3. Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1 / под ред. П.А. Николаева. М., 1989. 671 с.
4. Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2 / под ред. П.А. Николаева. М., 1992. 621 с.
5. Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 3 / под ред. П.А. Николаева. М., 1994. 590 с.
6. Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4 / под ред. П.А. Николаева. М., 1999. 703 с.
7. Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 5 / под ред. П.А. Николаева. М., 2007. 799 с.
8. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (историко-литературный сборник). СПб., 1889. Т. 1. 1200 с.
9. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (историко-литературный сборник). СПб., 1891. Т. 2. 424 с.
10. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (историко-литературный сборник). СПб., 1892. Т. 3. 496 с.
11. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (историко-литературный сборник). СПб., 1895. Т. 4. 484 с.
12. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (историко-литературный сборник). СПб., 1897. Т. 5. 484 с.
13. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (историко-литературный сборник). СПб., 1904. Т. 6. 478 с.
14. Сборник на помощь учащимся женщинам. М., 1901. 490 с.
15. Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность. История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии. М., 2002. 526 с.
16. Цеховская В.Н. Из репортерских воспоминаний // *Голос минувшего*. № 7. 1913. С. 123–159.
17. Тыркова-Вильямс А.В. То, чего больше не будет: Воспоминания известной писательницы и общественной деятельницы А.В. Тырковой-Вильямс (1869–1962). М., 1998. 560 с.
18. Могильяцкий А.И. Новые данные о М.К. Цебриковой // *Русская литература*. 1971. № 1. С. 104–111.
19. Волкова А.И. Воспоминания. Дневник / предисл. и ред. В.Е. Чехихина-Ветринского. М., 2015. 393 с.
20. *Neginsky R.* Письма Зинаиды Афанасьевны Венгеровой к Софье Григорьевне Балаховской-Петти // *Revue des études slaves*. Т. 67. Fascicule 1. 1995. p. 187–236.
21. *Mamuch O.* Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М., 2008. 400 с.

REFERENCES

1. Wood E. A. The woman question in Russia: contradictions and ambivalence. *A companion to Russian history*. Chichester, 2009, pp. 353–367.
2. *Reitblat A. I.* From Bova to Bal'mont and other works of historical sociology of Russian literature. Moscow, 2009, 448 p. (In Russ.)
3. *Nikolaev P. A.* (ed.) Russian writers. 1800–1917. Bibliographic dictionary. Vol. 1. Moscow, 1989, 671 p. (In Russ.)
4. *Nikolaev P. A.* (ed.) Russian writers. 1800–1917. Bibliographic dictionary. Vol. 2. Moscow, 1992, 621 p. (In Russ.)
5. *Nikolaev P. A.* (ed.) Russian writers. 1800–1917. Bibliographic dictionary. Vol. 3. Moscow, 1994, 590 p. (In Russ.)
6. *Nikolaev P. A.* (ed.) Russian writers. 1800–1917. Bibliographic dictionary. Vol. 4. Moscow, 1999, 703 p. (In Russ.)
7. *Nikolaev P. A.* (ed.) Russian writers. 1800–1917. Bibliographic dictionary. Vol. 5. Moscow, 2007, 799p. (In Russ.)
8. *Vengerov S. A.* A critical biographical dictionary of Russian writers and scholars (historical and literary collection). Saint Petersburg, 1889, vol. 1, 1200 p. (In Russ.)
9. *Vengerov S. A.* A critical biographical dictionary of Russian writers and scholars (historical and literary collection)). Saint Petersburg, 1891, vol. 2. 424 p. (In Russ.)
10. *Vengerov S. A.* A critical biographical dictionary of Russian writers and scholars (historical and literary collection). Saint Petersburg, 1892, vol. 3, 496 p. (In Russ.)
11. *Vengerov S. A.* A critical biographical dictionary of Russian writers and scholars (historical and literary collection). Saint Petersburg, 1895, vol. 4, 484 p. (In Russ.)
12. *Vengerov S. A.* A critical biographical dictionary of Russian writers and scholars (historical and literary collection). Saint Petersburg, 1897, vol. 5, 484 p. (In Russ.)
13. *Vengerov S. A.* A critical biographical dictionary of Russian writers and scholars (historical and literary collection). Saint Petersburg, 1904, vol. 6, 478 p. (In Russ.)
14. *Kushnerev I. N.* (*comp.*) Compilation to help learning women. Moscow, 1901, 490 p. (In Russ.)
15. *Pushkareva N. L.* Russian women: history and modernity. The history of studying the “female theme” by Russian and foreign science. 1800–2000. Material to bibliography. Moscow, 2002, 256 p. (In Russ.)
16. *Tsekhovskaya V. N.* From reporters' memoirs. *Golos minuvshogo*, 1913, no 7, pp. 23–159. (In Russ.)
17. *Tyrkova-Williams A. V.* Something that will never be: memories of a famous woman writer and public figure A. V. Tyrkova-Williams (1869–1962). Moscow, 1998, 560 p. (In Russ.)
18. *Mogil'nyanskiy A. I.* New information about M. K. Tsebrikova. *Russkaya literature*, 1971, no 1, pp. 104–111. (In Russ.)
19. *Volkova A. I.* Memorirs. Dairy. Moscow, 2015, 393 p. (In Russ.)
20. *Neginsky R.* Zinaida Afanas'evna Vengerova's letters to Sofiya Grigor'evna Balakhovskaya-Peti. *Revue des études slaves*, 1995, vol. 67, no. 1, pp. 187–236. (In Russ.)
21. *Matich O.* Erotic utopia: new religion consciousness and fin de siècle in Russia. Moscow, 2008, 400 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 23.09.2019